

Голубничий Иван Юрьевич

СТИЛЕВОЙ ОПЫТ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

В статье автор рассматривает поэтическое творчество выдающегося русского поэта XX века Ю. П. Кузнецова в контексте современного литературного процесса. Сравнительный анализ стилистических особенностей Ю. П. Кузнецова и ведущих современных поэтов приводит к заключению, что стилистический опыт Ю. П. Кузнецова оказал системообразующее влияние на национально ориентированную часть современной поэзии. Автор делает следующий вывод: поэтическое творчество Ю. П. Кузнецова является актуальным фактором современного русского литературного процесса в его русской национальной составляющей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/5/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 47-53. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1-1

Филологические науки

В статье автор рассматривает поэтическое творчество выдающегося русского поэта XX века Ю. П. Кузнецова в контексте современного литературного процесса. Сравнительный анализ стилевых особенностей Ю. П. Кузнецова и ведущих современных поэтов приводит к заключению, что стилевой опыт Ю. П. Кузнецова оказал системообразующее влияние на национально ориентированную часть современной поэзии. Автор делает следующий вывод: поэтическое творчество Ю. П. Кузнецова является актуальным фактором современного российского литературного процесса в его русской национальной составляющей.

Ключевые слова и фразы: поэзия; поэтика; литературный процесс; стиль; образ; миф; философия; бытие; символ; мотивы.

Иван Юрьевич Голубничий

Кафедра теории литературы и литературной критики

Литературный институт им. А. М. Горького

glukoza2010@yandex.ru

**СТИЛЕВОЙ ОПЫТ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА
КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА©**

Поэзия Юрия Кузнецова, будучи, с одной стороны, явлением глубоко национальным, опирающимся на русскую литературную традицию, и в то же время, с другой стороны, новаторским в смысле расширения возможностей традиционной русской поэтики и стилистики, оказала значительное влияние на литературный процесс второй половины XX века и продолжает быть действенным фактором современного литературного процесса в начале XXI века. Исследование эволюции стилевого развития современной русской национальной поэзии неизбежно ставит нас перед необходимостью выявления актуальных факторов этого развития, определяемых прямым влиянием поэзии Ю. Кузнецова.

Каждая эпоха объективно оказывает влияние на весь сопутствующий ей литературный процесс. Это выражается не только в том, что создаются произведения, соответствующие духу данного исторического этапа, его мировоззренческой и эстетической парадигме, но и в том, что подвергается творческому переосмыслению национальное классическое наследие, обогащаются новыми смыслами классические образы и значительные исторические события. И хотя тема любого творчества рождает не время, а скорее бытие, время, тем не менее, освещает смысл знаковых событий эпохи под определённым углом. Литература советского периода была в значительной степени отмечена акцентированным преобладанием гражданского пафоса, патриотической мотивации и соответствующими этим содержательным установкам стилевыми средствами. Исторический контекст, сопутствующий становлению литературы советского периода, ставил перед искусством в целом задачи, выходящие за рамки сугубо личных переживаний творца. *«Перед нашей литературой 60-70-х годов стояла задача вновь проложить путь большой культурной традиции, большому, высокому искусству; понимание мирового и исторического контекста этого дела, ощущение полноты духовных проблем, личностно-народного характера нашего искусства и всей духовной традиции было важно в дальнейшем пути»* [2, с. 203]. В рамках этой мировоззренческой парадигмы происходило развитие литературного процесса указанного периода. Инерция, заданная позитивным духовным зарядом творческой энергетики советской поэзии второй половины XX века, в значительной степени сохранила свою актуальность и в начале XXI века. Разумеется, говорить об этом следует с поправкой на мировоззренческие коррективы, обусловленные сменой общественной формации.

Литераторов-современников, как правило, объединяет либо разделяет отношение к происходящим в обществе процессам. Говоря о поэзии Ю. Кузнецова и её системообразующем влиянии на современный процесс, необходимо назвать наиболее близких ему по воззрениям и стилистическим принципам современников старшего поколения, чьё творчество не носило ярко выраженного тенденциозного характера, обусловленного идеологическими перегибами советского периода. К таким русским советским поэтам относится Леонид Мартынов. Мистическая нота его лирики проступает отчётливо и обладает сильным поэтическим воздействием, образной и стилистической изощрённостью. Характерный пример:

«Плывёт челнок мой, непричален.

И не поймёшь: сирены, рыбы ль

Глядят сквозь щелочки купален» [8, с. 46].

Будучи последовательным приверженцем классического русского стиля стихосложения и носителем патриотического мировоззрения, Л. Мартынов обладает собственным видением Родины. Русь у него и кипит, полная чувств («Старая Русь») [Там же, с. 447], и гипнотизирует своим ярко выраженным национальным мистицизмом («Река Тишина») [Там же, с. 58]. Всё это находит яркое отражение в выборе стилевых средств, в образности, исполненной неподдельной жизненной энергии.

Несмотря на то, что у Ю. Кузнецова в стихах Русь «спит дремотным сном», противоречия в воззрениях двух поэтов здесь нет. Напротив, в стихах Ю. Кузнецова явственно просматривается попытка «разбудить» Русь, осознанно или нет следуя поэтическому напутствию Л. Мартынова:

*«...есть на земле высокое искусство –
Будить в народе дремлющие чувства,
Не требуя даров и предпочтенья...
.....
Чтобы в душе – не на руках! – носили...
.....
Сумей войти на шаткие подмости,
Как великан в неистовстве упрямом
Пускай тебя за скомороха примут,
Употреби высокое искусство –
Будить и в них их дремлющее чувство,
И если у тебя оно найдётся,
Так и у них, наверное, проснётся!»* [Там же, с. 55].

В 1981 г. Ю. Кузнецов как бы отвечает своему современнику, написавшему это стихотворение в 1928 г.:

*«Что же нам делать? Великий покой
Я разгоняю, как тучу рукой.
Буйную голову клонит ко сну.
Снова шумит, нагоняя волну...
Это она мчится по ржи! Это Она!»* [7, с. 182].

Неудивительно, что значительное место в творчестве Л. Мартынова как поэта военного времени занимала тема Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что Ю. Кузнецов является представителем послевоенного поколения, его лирика также ярко и с большой глубиной философского осмысления освещает героизм солдата, воина, защитника Отечества. Он словно принимает эстафету, углубляя семантику символов, воссоздавая поэтические мифы военного периода:

*«Я знамя! Возжи подо мною.
Во славе, крови и пыли
Клянутся моей высотой
Все рати небес до земли...»* [Там же, с. 227].

Характерно, что Л. Мартынов, как и Ю. Кузнецов, опирается на фольклорные темы, использует библейские и мифологические образы, например:

*«Отмыл я в Стиксе руки добела,
И часто я об этом вспоминаю...»* [8, с. 264].

Аполлону, идущему по российскому снегу (Л. Мартынов. «Голый странник») [Там же, с. 47], совершенно созвучен стиль Ю. Кузнецова, широко использующего символ, преобразованный в образ, в своих произведениях.

Необходимо отметить, что эпические образы, ставшие символами, во все времена вдохновляли поэтов написание стихов. Использование подобных образов, перенесённых в другую эпоху, позволяло расширять границы времени и пространства. Оригинально рассматривает тему современных геростратов Ю. Кузнецов:

*«Гори, огонь! Дымись библиотека!
Развейся пепел по сырой земле.
Я в будущем увидел человека
С печатью вырожденья на челе.

В написанном чернилами и кровью
Немало есть для сердца и ума,
Но не сулит духовного здоровья
Кровосмешенье слова и письма»* [7, с. 361].

Ю. Кузнецов, говоря о современных ему поэтах, неслучайно выделял среди них, как наиболее близких по мировоззрению, Николая Рубцова, Николая Тряпкина, Василия Казанцева [6, с. 8]. Несмотря на то, что Ю. Кузнецов позиционируется как основоположник мифопоэтического мышления, это не ставит под сомнение его принадлежности к «почвенному» направлению в поэзии. Творчество Н. Рубцова перекликается с творчеством Ю. Кузнецова не только тематикой, но и образностью своих произведений. У Н. Рубцова стирание временных границ представляется плавным переходом прошлого в современность, его образы

печальны и тревожны. Удивительно красиво использованы, вплетены в поэзию мотивы фольклорного и философско-религиозного содержания. Темы родины, дороги, дома, жизни и смерти, любви и ненависти являются основными в творчестве Н. Рубцова. При этом Н. Рубцов, проводя эти темы через личное мироощущение, придавал им масштабность, а обращение к традициям позволяло выявлять саму суть бытия, неподвластную времени. При довольно понятной и земной образности поэзия Н. Рубцова богата глубокими смыслами. Именно простота образа придаёт произведениям поэта колорит народности, и, следовательно, сближает с мифом. В стихах Н. Рубцова нет описательности, которую категорично отрицал впоследствии Ю. Кузнецов, но отсутствие пейзажа не означает отсутствия природы как образа. При этом образа не вымышленного, а образа, с которым поэт готов расплачиваться добром за добро и любовью за любовь. Пользуясь авторской терминологией Кузнецова, поэзия Н. Рубцова лишена всякого рода «рукоделия», т.е. идёт от души, от сердца, от собственного мироощущения. Замечательно выразил свою позицию на эту тему Анатолий Передреев: «Я видел, как скудеют чувства, / мертвеют краски и слова, / когда отдельно от искусства / горит закат, шумит листва. Когда — была такая мода / — живут, друг другу не служа, / поэт отдельно и природа, / отдельно книга и душа...» [9, с. 128]. А у Н. Рубцова природа «Как человек богоподобный, / Внушает в гибельной борьбе / Пускай не ужас допотопный, / Но поклонение себе...» [10, с. 141].

Необходимо отметить фонетическое богатство поэзии Н. Рубцова:

*«В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,*

*И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...»* [Там же, с. 222].

Благодаря музыкальности его произведений очень многие стихи положены на музыку. В них слышны голоса природы – шум дождя и ветра, завывание вьюги, шелест листвы, крики птиц. В творчестве Ю. Кузнецова звучат те же дожди и ветры, вьюги и деревья, но звуки слышатся другие – мистические, неземные:

*«А когда журавлиная стая
На родимую землю летит,
Он холодные листья роняет
И колодезным скрипом скрипит»* [7, с. 37].

Татьяна Глушкова как поэт обладала большой трагической силой. Она черпала поэтическую энергетику, направленную на сохранение русской традиции, в творчестве А. Пушкина, Ф. Тютчева, Н. Некрасова, А. Блока. В поэзии Т. Глушковой отчётливо слышна переключка эпох. Судьба русской культуры определяла одну из ведущих тем поэзии Т. Глушковой. Трагедия одиночества совершенно откровенно звучит в её стихах:

*«Ледовитой свободой моей
.....
Я добыла бесстрашный покой,
Называемый стихосложением»* [1, с. 370].

Поэзию она считала главным делом своей жизни, предназначением, ниспосланным свыше, своей судьбой. В творчестве Т. Глушковой так ярко и чётко просматривается гражданская позиция поэта, поскольку она не видела путей развития культуры без развития родины как великой державы. Отрицание компромиссов в поэзии и полная самоотдача становились причинами неизбежного одиночества. Вероятно, поиск истины, путей к её достижению и определяет одиночество поэта. Полное понимание является своего рода идеалом, достичь которого невозможно. В силу своего максимализма, непримиримости, которое отличает людей, подтвердивших свою неординарность, поэт является неизбежно одиноким, своего рода заложником или затворником собственного предназначения. В каждом поэтическом слове Т. Глушковой растворены история и современность. Драматизм её поэзии определялся ещё и эсхатологическими мотивами, неясным предчувствием грядущей катастрофы. Неслучайно Т. Глушкова отводит важное место религиозной лирике:

*«Но сколько ни проси у Бога
Вернуть тот дух, хотя бы – дым,
Творец и сам вздохнёт глубоко:
Неповторим!.. Неповторим»* [Там же, с. 446].

Поэзия Т. Глушковой являет своеобразную параллель с творчеством Ю. Кузнецова, благодаря очень схожей мотивации и взглядах на окружающую действительность и историю, несмотря на совершенно разный авторский почерк.

Существенный вклад Ю. Кузнецова в современный литературный процесс состоит в том, что ему удалось органически вплести семантику эллинского символа в русское бытие. Это касается и религиозно-философского направления в позднем творчестве Ю. Кузнецова. Ю. Кузнецов призывает полюбить живого Христа, прислушаться к его голосу. Автор выражает сожаление о том, что:

*«...вера суха и темна,
И хромает она»* [7, с. 389].

Апофатический образ приобретает вполне конкретные черты, поскольку это уже не шорох страниц библейских книг. Живой Христос, «что ходил по росе / и сидел у ночного костра, / освещенный, как все» [Там же] становится ближе и понятнее. Религиозные мотивы в творчестве современников Ю. Кузнецова отражают возвращение человека к вере, к необходимости «с потерянным лицом искать в сознание Бога...» (Л. Котюков) [5, с. 69]. Несмотря на то, что эта строчка у Льва Котюкова звучит с вопросительной интонацией, всем творчеством автор утверждает свою духовную позицию:

*«И встаёт над погибшей страной
Солнце-Храм златоглавый...
.....
Не взорвать никому этот храм!»* [Там же, с. 76].

Для поэзии Л. Котюкова нехарактерно наличие откровенных библейских сюжетов и реминисценций классических линий этой тематики, но философские воззрения автора, продиктованные временем, звучат от этого не менее убедительно:

*«И снова Земля порождает и крест, и терновую ветку,
И свет непредсказанной жизни
Пред тьмою стоит не дыша.
И выбора Господу нет! И выбора нет человеку!
И в точке свиданья времен –
Господь и земная душа»* [Там же, с. 89].

Тема пророчества поэзии очень обширна. Когда она касается исповедальных мотивов жизни и смерти, то тема эта всегда раскрывается субъективно. Но, когда речь идёт о гражданской позиции, нельзя не отметить настойчиво звучащих похожих мотивов в творчестве современников:

*«Свои слёзы оставь на потом,
Ты сегодня поверил глубоко,
Что завяжутся русским узлом
Эти кручи и бездны Востока»* [7, с. 159].

*«Запад тьмою объят. Тьма в грядущих веках.
Снится век золотой перед смертью Пророку,
И улыбка дрожит на бескровных устах,
И барханы уносят посланье к Востоку»* [5, с. 44].

Борьбу за возрождение духовности в философском смысле можно определить как борьбу добра и зла. Всё творчество Ю. Кузнецова и его последователей развивает это утверждение. Для продолжателей кузнецовских традиций в поэзии характерны резкие трагические ноты. Но нельзя не заметить, что в творчестве поэтов XXI века – Марины Струковой, Николая Зиновьева – уже более откровенно звучат темы веры в Россию, надежды на то, что обязательно «Россия вспрыгнет ото сна», и это время уже не за горами:

*«Во тьме, где плачет каждый камень
бессильным голосом потерь,
мы вызываем память-пламень,
чтоб вновь сражались
Бог и Зверь.
Где юность истлевает в старость,
где храм отделан под дворец,
святую воинскую ярость
мы вызываем из сердец,
и высь, и ширь путей раздольных
сквозь хаос четырёх сторон,
и свет священных белых молний
сквозь мутный мертвенный неон.*

*И кровью Солнца день пронизан,
и гром – обвал бетонных плит.
Кто нами создан, нами вызван –
тот старый мир испепелит» [11, с. 3].*

Поколению преемников Ю. Кузнецова свойственно некое экзистенциальное отчаяние, вызванное усталостью долготерпения:

*«Я врага своего люблю –
помолиться, так намолю:
надышаться ему – в петле.
Отоспаться ему – в земле.
Всё идёт к одному концу,
коль ударю, то по лицу.
О, Россия, костры, снега!
Я люблю своего врага!» [Там же].*

*«Куда ни глянешь — горе,
Немая стынь в груди.
О Господи, доколе?!
Доколе, Господи?!*

*Как галки с колоколен,
Слова слетают с уст.
Кто вечно недоволен
Собою, тот не пуст.*

*Уж так душе погано, —
Что ж, знамо, не в раю,
Не зря же из стакана
Разит так серою.*

*Чертяку в певчем хоре —
Найди его поди...
О, Господи, доколе?!
Доколе, Господи?!» [4, с. 238].*

Н. Зиновьев находит источник веры в мистической неизбежности возрождения России:

*«Как ликует за граница
И от счастья воеет воем,
Что мы стали на колени.
А мы стали на колени
Помолиться перед боем» [Там же, с. 113].*

Тем убедительнее звучат стихи М. Струковой:

*«Слушай, судьбина-бестия,
может быть, пригожусь.
В случае путешествия
я выбираю Русь.
Ставишь второе действие?
Бью по рукам с тобой –
в случае происшествия
я выбираю бой.
Звёздное притяжение
и золотая твердь...
В случае поражения
Я выбираю смерть» [11, с. 3].*

Объединяет поэтов этого творческого направления вера в Россию, приверженность родным духовным корням, вера в народ, и этим обусловлен спектр стилистических средств, определяющих лицо их творчества. В стихах Н. Зиновьева образ Родины художественно толкуется в традиционном, некрасовском ключе:

*«Не потому, что вдруг напился,
Но снова я не узнаю, —
Кто это горько так склонился
У входа в хижину мою?»*

*Да это ж Родина! От пыли
Седея, в стружьях и с клюкой...
Да если б мы ее любили,
Могла бы стать она такой?!» [4, с. 15].*

Становится явным, что поэты обнажают глубоко спрятанные причины проблем современного российско-го общества. Они находят эти причины не во внешних факторах, а во внутренних. В тех чертах, которые превратились в устойчивую характеристику народа.

Внутреннее зрение поэта помогает увидеть в действительности надвигающуюся опасность. Использование элементов мифа, символические образы позволяют достигать высокого уровня выразительности. Ю. Кузнецов неоднократно утверждал, что он вынужден заниматься в своём творчестве политикой сознательно и поневоле, поскольку политизация поэзии обедняет творчество, превращает поэзию в публицистику, а поэзия – гораздо более тонкая философия, чем политика. «Поэт должен слышать голос державы» [6, с. 6]. Поэзия несомнима с рациональным мышлением, она строится, скорее, на парадоксах, к которым относятся мифы и легенды. По его мнению, поэзия не должна терять своей красоты. Талант поэта заключается в том, что он может подобрать слово для выражения еле уловимого, подсознательного. Это может быть аромат кем-то примятых полевых трав, самых обычных, всем знакомых полыни и ковыля, пахнущих малой родиной, это может быть миф, который даёт обильную почву для размышления. Очень убедительно в этом смысле звучат стихи Игоря Тюленева, одного из учеников и ближайших сподвижников Ю. Кузнецова:

*«... Душа полна восторга и любви,
А сердце одинокое - печали.
Не пойте длинных песен, журавли,
И не звените райскими ключами.*

*На дно берлоги падает медведь,
Как в омут со скалы замшелый камень.
Листья темнеет, как от солнца медь,
И гаснет по лесам и роцам пламень» [12, с. 127].*

В творчестве И. Тюленева духовность занимает немаловажное место. Автор считает, что творчество не является обращением к человеку высших сил, а напротив, это обращение души к Богу.

*«Даль прояснилась, волны стихли,
Небесный шорох ловит слух...
То гомон райский или стих ли,
Или Господня Сердца стук» [Там же, с. 39].*

Творчество этого автора не оставляет никакого сомнения, что он в случае путешествия, говоря словами М. Струковой, тоже выберет Русь:

*«Несутся поезда навстречу,
Трясётся матушка земля.
А я шепчу: - Ещё не вечер,
Озёра, рощи, тополя.*

*Шепчу: - Ещё не вечер, люди,
А просто ранняя заря,
Покуда есть, покуда будет
Земля за стенами Кремля» [Там же, с. 199].*

Причём выберет с той же болью за малую Родину, что и М. Струкова:

*«Дома забытые в лебедь,
Полей загубленных ключья.
Мой край поведал бы о беде,
Но волк умирает молча!» [11, с. 3].*

*«Заросла лопухом и крапивой,
Не найти ни окон, ни дверей.
Замутились нечистой силой
Озерки, где таскал карасей.*

*То, что брошено - не безобразно.
Значит, я этот вид заслужил.
Потому что бездумно и праздно
Я отцовскую жизнь доносил...» [12, с. 218].*

Говоря о плеяде поэтов, духовно близких Ю. Кузнецову, можно отметить и такие имена, как Н. Шевцова, О. Дьякова, В. Артёмов. Производит впечатление откровенность авторов, их творческая убежденность, сохранённая в развитии традиций, заложенных Ю. Кузнецовым. Но если Ю. Кузнецов своим творчеством мог обнажить корни зла, социально-политического и общественного, мог в определенном им самим стиле показать отрицание этого зла, его уродливость, то следующему поколению поэтов время позволяет заглянуть за горизонты, доступные Ю. Кузнецову. Именно эта возможность позволяет трагизму поэзии нашего времени приобрести иные черты, оттенки призыва, предупреждения близости неотвратимой расплаты.

«Юрий Кузнецов – последний из известных нам крупнейший представитель большого стиля в русской лирике» [3, с. 46]. Поэтический мир Ю. Кузнецова, его художественная мощь, его патриотический и нравственный стержень заставляют видеть в ней духовный ориентир для русской поэзии начала XXI века. А ориентирами самого Ю. Кузнецова являлись в первую очередь русские классики. Но Ю. Кузнецов, будучи верным последователем русских классических традиций, часто вступает с ними в спор. Он ищет в поэзии своих великих предшественников художественно убедительное определение сегодняшнего дня и пытается выстроить логическую связь между историческими событиями, начиная с древних времён, с первых летописных упоминаний о славянах, и не достигает желаемой глубины раскрытия вопроса. Кузнецов касается и мировой истории, поскольку история славянства не могла развиваться обособленно. Стихотворение «Петрарка» [7, с. 230] охватывает несколько веков. Перенос в реальность мифы разного времени, Ю. Кузнецов пытается создать социальную мифологию настоящего века с социальными чертами своего времени. Кузнецов пытается подвластными ему художественными средствами установить закономерность событий, происходящих в мире, и, чуждый всякому рационализму в творчестве, не находя ответов в примитивном мифе, он обращается к религии, сохраняя главную антитезу: добро и зло, тьма и свет, жизнь и смерть. Таким образом, происходят развитие философии стиха и одновременно развитие и обогащение стилевых возможностей русской стихотворной традиции. Философия Ю. Кузнецова не является исповедальной и созерцательной, ищущей вокруг себя и в себе ответы на определённые вопросы. Он обращается к образам Сергия Радонежского [Там же, с. 178], Серафима Саровского [Там же, с. 332]. В открытое космическое пространство погружается человек, равный народу, с его загадочной русской душой. Общечеловеческие ценности, несмотря на то, что они более характерны быту, нежели бытию, заставляли Ю. Кузнецова обращаться к ним. Но Ю. Кузнецов настойчиво продолжал в своих произведениях поднимать и развивать тему духовности и высокого предназначения человека. Эти тенденции его творчества нашли и продолжают находить отклик в творчестве современных российских поэтов, определяющих ключевые особенности современного литературного процесса.

Список литературы

1. Глушкова Т. М. Не говорю тебе прощай... М.: Молодая гвардия, 2002. 623+1 с.
2. Гусев В. И. Герой и стиль. К теории характера и стиля. Советская литература на рубеже 60-70-х годов. М.: Художественная литература, 1983. 286 с.
3. Гусев В. И. О стиле Юрия Кузнецова. Сын Отечества // Материалы II ежегодной научно-практической конференции, посвящённой творческому наследию Юрия Кузнецова. М.: Московская городская организация Союза писателей России, 2008. 214 с.
4. Зиновьев Н. А. Я – русский. Стихи. Краснодар, 2008. 320 с.
5. Котюков Л. К. Крест и пламя. Книга избранных стихотворений. М.: Голос-пресс, 2004. 464 с.
6. Кузнецов Ю. П. Прозрение во тьме. Краснодар, 2007. 608 с.
7. Кузнецов Ю. П. Стихотворения. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
8. Мартынов Л. Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986. 768 с.
9. Передреев А. К. Лебедь у дороги. Стихотворения. Переводы. Размышления о поэзии. М.: Современник, 1990. 454 с.
10. Рубцов Н. М. Прижизненные издания. Избранное. М.: Российский писатель, 2006. 520 с.
11. Струкова М. В. Я выбираю Русь... М.: Общеписательская литературная газета, 2012. 8 с.
12. Тюленев И. Н. Русский бумеранг. М.: Молодая гвардия, 2005. 330+6 с.

YURI KUZNETSOV'S STYLE EXPERIENCE AS FACTOR OF MODERN LITERARY PROCESS

Ivan Yur'evich Golubnichii

Department of Literature and Literary Criticism Theory

Literary Institute named after A. M. Gor'kii

glukoza2010@yandex.ru

The author considers the poetic creativity of the outstanding Russian poet of the XXth century Yu. P. Kuznetsov in the context of modern literary process, basing on the comparative analysis of the style features of Yu. P. Kuznetsov and leading modern poets substantiates that the style experience of Yu. P. Kuznetsov had a system-forming impact on the nationally oriented part of modern poetry, and comes to the conclusion that the poetic creativity of Yu. P. Kuznetsov is a topical factor of modern Russia literary process in its Russian national component.

Key words and phrases: poetry; poetics; literary process; style; image; myth; philosophy; being; symbol; motives.